

КРЕСТЬЯНСКОЕ ПНЕЗДО

ИЗ СЕЛЬСКОГО ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ

Март. С утра морозно, а к обеду ослепительным блеском горят снежные пространства, несомненно кричат обильные крышу воробья и начинается радостное миканье капели у заводов.

В избу бы не вошел, — говорит мне старик Платон, — так бы и жил на улице. Ну-ка, сколько так минут побаскало?

Он бережно отряхивает с пальто стеленой челночной пистол, откладывает от глаз, долго всматривается в неясное мерцание букв.

— Вот, — говорит он с некоторой торжественностью, — сколько лет я живу, а прибавочку для всегда заново рахуеши. Всякая бабаста человек приделается, а эта никогда. Какой тут заглядеть?

Он с минуту внимательно смотрит из-под синих бровей свежими голубыми глазами.

— Закур так, парен, что люди свое происхождение на земли везут. Всюна прихоту — земля падает, а мы с тобой тоже. Как земля, так и мы.

Андрей Егорич при всей своей молчаливости и социальности склонен к философским размышлениям. У него не совсем еще сдвинулся, строгое корыстное лицо и крепкая, каким-то образом молодая ость тисна.

Он, должно быть, принадлежит к тому типу стаников, которые были когда-то хатами по мирскому делу, главными антропоидными на складах и вообще представляли основную мыслительную силу деревни. Ум у него пелок и обладает той характерной крестьянской здравостью, которая ни с какими науками не приходит, а дается человеку от природы как талант.

Один жмет Андрей Егорич. Еще три года назад оба сына подылись и сехали на центральную колхозную усадьбу в Сазоновку.

— Я не держал, — говорит Платон. — Зачем держал? Они останутся, — другие все равно везут. Живни я этим не поверю. Сейчас, парен, по лесу державо переселение идет. Малые селения в болотах прибиваются. У нас тут в Заречном тридцать дворов было, когда-то отдельный колхоз считался — по теперешним временам сказать смешно, а все же колхоз. А как укрупнили, стали хотиковку жители в Сазоновку перетекать. Там и электричество, и водопровод, и всякое другое. Без этого нынешний человек жить не может. Вот и пошли из Заречного двор за двором, как старые зубы, вываливаться. Пять жителей осталось.

Мне жалко, что поселок Заречный исчезает с лица земли. Местоположение его по сравнению с раскинутой пологими холмами Сазоновкой просто бесподобно. Заречный — несклад, прекрасные зеленые луга, река прямо под окнами. Летом иногда да-

же сквозит сон слышим, как гулко ударит в омуте рыба, и волны долот потом торпедно плещут заросшие низком берега. Целый табар городских людей приезжает сюда в выходные дни для отдыха. А коренные жители уезжают, как будто самим им не надо ни рек, ни запахов лугов, ни житейной тени леса.

Платон, и вокруг Сазоновки заложил теперь насаждения, да все это жди, когда вырастет.

Вечером мы подолгу разговариваем об этом с Андреем Егоричем. Старик топит голландку, поджигает в огненном жерло поленья, и прихвляв слышат как гудит и хлопает пламя. — Тяга слышна! Виская десятилетняя лампа с широким стеклом бросает на стол лимонно-жестое пятно света.

Он лопот меня, — петропольно говорит Платон. — Ойа лопот нестуетно, а у уперностю Со мтадх ностей до селых волот тут прожикл, прирос, как гриб к дереву.

Платон еще в силе-возможности — пенсню тридцать шесть рублей платит, к ней огорода сажу, грех овец в зиму оставлю. Огородо хават. Зарочном, — Платон говорит, — раз по ру сохот и голова болит. У меня, парен, давление в крови прихоту.

На мне старика играют красивые блики огня, лысина его бастит костяным блеском. Он сидит прямо на полу и курит сигарку.

— А еще потому я вникаю не поеду что не могу допустить, чтобы поселок на нет сошл. Пусть хоть на мне олоном, а держит. И подумай не могу, что здесь голосе место стает. Ты вот говоришь — ас тут, река. Ойа так. Да только меня не это одно держит. Здесь, парен, каждый аршин земли ботом окроплен да кровью полит.

Вся история переломов глазами прошла. Сколько товарищ моих тут жизни положило, и сколько потела, пока до сего дня дошли. Разве все это пропасть должно? Не дам пропасть! Я еще летом с тобой хотел пососветиться, да как-то все сомневался. Хочу я, видишь, всю нашу линию описать как в Заречном революция слезалась, как колхоз сколачивался — всю бытность в общем.

Связи с крахтением позная, прошла в высшем в простеке мутном, как застарелый лед, зеркало и вытаскивал из-за него тетрадку с корками цвета прелых опилок.

— Какой-то записал из главного. Много еще осталось. Все-то же успел, парен. Мне часто доводилось наблюдать, как люди на исходе лет берутся за перо и с величайшим упорством пишут стихи, рассказы, романы. Кроме огорчений, это им обычно видеть не припосит. Поэтому у некоторых недоверием вза-

сы за чтение записок Андрея Егорича, озаглавленных им очень кратко: «История».

Писал старик крупно и неразборчиво, хотя видно было, что каждая буква требовала от него особого внимания.

«В тыщу девятсот девятнадцатом году, в аккурт на тронну, в нашем поселке Заречном был самосуд. Тогда поимали за Горелым оврагом комбед и привели его на теле. Мне оид не иезел ходит, а я ушел заводу. Народ собрался много, а комбед сидел связанный в телеге, весь избитый. Ни глаз, ни лица у него не было звать. Одно ухо висело кину, ему ево Анисим Пареный чуть напорил, подвези меня до дому.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

и работал с каким-то тихим упорством. Я отметил, что у старика бранные слова и крепкие складки и морщины, стоя в крутую клетку шеи, нерепонсанная дымкой фарука.

Может быть, увлекшись этими мелкими деталями, я не догадался предположить, что за плечами старика тяжело сидело горе самой настоящей истории. А он, окованный дело, собрал в ящик осколки стекла, аклы с Платона рублевку и медленно ушел.

«Один раз у нас тут колхоз не развалился. Григорий Портихин ездил на подводе в деревню Шасовку и там его встретил Аким Круглов. Он обрадовался и говорил, подвези меня до дому.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

помануть. Таких людей, милый друг, дела не каждый день поает. Родит, а потом погода. Он у нас прямо в житной ум. При царском режиме жидет лет каторги сидел. Иродий был мужичина, а задорная душа, все на сердце выжилось. И во рту, скажи, не все востане. И ласково, и задорно. Тогда ведь не было скряжи да доброты. — А как косит, баба была. Вся деревня в поле, а у нас жаркие были. — А как косит, баба была. Вся деревня в поле, а у нас жаркие были.

Может быть, увлекшись этими мелкими деталями, я не догадался предположить, что за плечами старика тяжело сидело горе самой настоящей истории. А он, окованный дело, собрал в ящик осколки стекла, аклы с Платона рублевку и медленно ушел.

«Один раз у нас тут колхоз не развалился. Григорий Портихин ездил на подводе в деревню Шасовку и там его встретил Аким Круглов. Он обрадовался и говорил, подвези меня до дому.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Нед, — говорит Платон, — тот не человек, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси. А комбед сидел в телеге, аи неси.

Алексей ЗАРИЦКИЙ

Под белым парусом

Я навеист тот городок, где прежде жил. Зашел, как водится, К товарищу по школе. С которм в юности дружил.

Как дети, мы на крышу взобрался. На солнышке у трубы присели.

Кругом сады цветением разлились. Мир кружится на белой карусели.

Вдыхай змея и заново живуй. И в эту даль так жаждай.

Я вновь под белым парусом плыву. Озерам наткнувшегося детства.

Иней на моем покосе...

Когда осенний нас Заманял звал в долину. Сбирал пастух у нас По хатам осеннюю.

В тумане глады небес, И морось — через сито. Давал, что малость жила.

Вот и на мой покос Густой попылал иней — Подумать бы всеерь И мне об осени.

Пускай стих не сплещ Я выпал, как на дождь. Но осенние все же Души и малой жады.

Льшь было в круглый год. Что всем селам близко: И хлеб ржаной, и мед, И с простоквашей миска.

Осеннюю судьбу Я занесу в дубровку. С собой возмю трубу — Уезжу пастухом.

Возмю трубу-дуду. Что горести не знала. А вдруг и заведу Я про весну сначала!

А. ЗАРИЦКИЙ. Стихи. Избранные произведения. М.: Советский писатель, 1967.

Из

